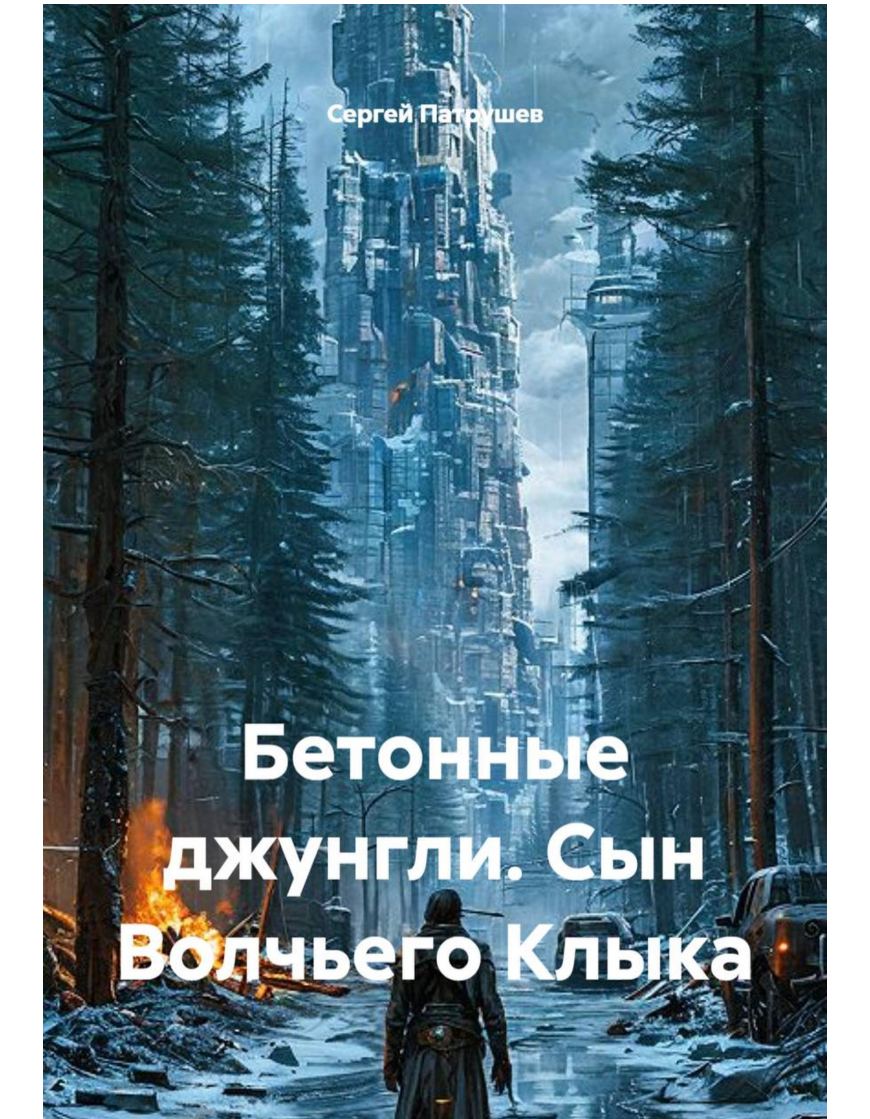

Сергей Патрушев

Бетонные джунгли. Сын Волчьего Клыка

Сергей Патрушев

Бетонные джунгли.

Сын Волчьего Клыка

<https://litres.ru/74109536>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его появление не предвещал ни гром, ни вспышка — лишь дрогнувший воздух и тишина, расколовшаяся осколком льда. Босые ступни коснулись холодного асфальта, и каменные джунгли вздрогнули, почуяв чужака.

Он пришёл из мира, где звёзды ещё разговаривают с людьми, где ветер пахнет хвоей и дымом ритуального костра, а сила измеряется не деньгами, а биением сердца. Здесь, среди стекла и стали, среди механического рёва и бездушного неона, этому дикарю нет места. Но именно здесь ему суждено стать легендой.

Выживание превращается в искусство. Рёв гитары становится его новым голосом — первобытным, рвущимся из самой глубины естества, пробуждающим в сытых и уставших душах забытую жажду подлинности.

Танец, рождённый у костров ледниковой эпохи, взламывает законы реальности, заставляя дикую природу прорастать сквозь бетон. А где-то на грани миров, в отблесках лунного света, ждёт

алая тень — женщина с глазами цвета грозового леса, потерянная
половина одной души, разорванной ошибкой времени.

Сергей Патрушев

Бетонные джунгли.

Сын Волчьего Клыка

Глава первая: Шёпот бетонных джунглей

Запах исчез первым. Не просто изменился, а именно исчез, растворившись в чём-то стерильном и мёртвом. Ещё мгновение назад лёгкие Таккара раздувались, вытягивая пряный аромат влажной земли, прелых листьев и дыма костра, на котором запекалась туша подстреленного оленя. Он слышал гортанный напев старейшины Урма, камлающего под ритмичный стук бубна, отгоняя злых духов от их нового становища. Таккар сжимал в руке грубое древко копья с кремниевым наконечником и смотрел в небо, где занималась алая заря нового дня. А потом мир раскололся беззвучной вспышкой, сжался в ослепительную точку и выплюнул его в реальность, сотканную из грохота, стали и удушающей вони неведомых ядов.

Он стоял на четвереньках, вжимаясь телом в холодный, идеально ровный камень. Камень был повсюду. Он не был творением духов земли, не был ноздреватым детищем вулкана или гладким речным голышом. Этот камень был мёрт-

вым, разрезанным на ровные куски и уложенным без единой щели. Голова Таккара закружилась. Тошнота подкатила к горлу. Он резко вскинул голову и тут же пожалел об этом.

Вместо бескрайнего небесного купола, опрокинутого над головой, он увидел искорёженные, рваные клочья серой пелены. Впереди, заслоняя горизонт, вздымались скалы. Но нет, это были не скалы предков, не священные горы, поросшие лесом. Эти утёсы были прямыми, как стволы вековых сосен, и уходили ввысь на немыслимую высоту, пронзая мутную дымку. Их поверхность, лишённая мха и лишайника, состояла из холодного блестящего вещества, похожего на лёд, но не тающего под взглядом. Сотни, тысячи чёрных провалов зияли на их теле, и за некоторыми из них виднелись прозрачные, как застывшая родниковая вода, преграды. В этих прозрачных глазах каменных великанов отражался тусклый свет, но не свет солнца. Светило исчезло. Вместо него мир заливал неестественный, мутно-жёлтый полумрак, который, казалось, исходил отовсюду и ниоткуда одновременно.

Рёв. Он был повсюду. Низкий, утробный, переходящий в визгливый вой. Таккар зажал уши руками, но звук проникал сквозь пальцы, сквозь кожу, отдаваясь дрожью в каждой кости. Этот звук не был голосом зверя. В нём слышался скрежет камня о камень, свист рассекаемого воздуха и бездушная, механическая ярость. Он оглянулся, пытаясь най-

ти источник шума, и заметил их. Животные, или то, что он принял за животных, неслись по чёрной, как засохшая кровь, полосе, змеящейся между каменными утёсами. Они были гладкими, блестящими и переливались цветами, каких не встретишь в лесу: алым, как ядовитая ягода, синим, как брюхо зимородка, чёрным, как обсидиан. Они двигались с непостижимой скоростью, быстрее ветра, быстрее испуганного оленя, их не было видно ног, и они не оставляли следов. Из их нутра, из блестящих неподвижных глаз, лился тот самый ослепляющий жёлтый свет, который, казалось, заменял здесь солнце. Внутри этих бегущих чудовищ Таккар с ужасом разглядел людей. Они сидели неподвижно, словно мёртвые истуканы, глядя прямо перед собой застывшим взглядом. Их лица были бледными, лишёнными выражения. Они не управляли зверем, нет, они были внутри него, поглощены им.

Он попытался встать. Ноги, обутые в мягкие мокасины из оленьей шкуры, предательски скользили по гладкому камню. Опираясь на копьё, Таккар поднялся во весь рост. Его фигура, облачённая в грубо выделанные шкуры, расшитые жилами и оберегами из медвежьих клыков, казалась неуместным, диким наростом на теле этого стерильного мира. Он был высок, широк в плечах, его смуглая, обветренная кожа была покрыта шрамами и сажей. Спутанные чёрные волосы падали на плечи, а в тёмных, глубоко посаженных глазах плескался

первобытный ужас, смешанный с отчаянной решимостью.

Прямо перед ним, преграждая путь, возвышалось ещё одно порождение этого мира. На высоком тонком столбе висела светящаяся пластина. На ней, сменяя друг друга, мелькали невероятные образы: женщина с волосами цвета пламени, прижимающая к уху маленький блестящий камень; летящая птица, огромная, как облако, и сделанная из того же блестящего металла, что и звери на чёрной полосе; человек в неестественно чистой одежде без единого пятна, улыбающийся так широко, что, казалось, его лицо вот-вот треснет. Эти образы двигались, дышали, говорили, но Таккар не слышал ни звука. Это была магия колдунов, злых духов, которые украли его у родного леса и бросили сюда, в каменный ад. Он инстинктивно вскинул копье, целясь в светящуюся женщину, но тут же опустил его. Что может сделать кремьнь против бесплотного духа?

Он заставил себя отвести взгляд от жуткого светящегося шаманства и попытаться понять, где он находится. Вокруг не было ни одного растения. Ни единой травинки, пробивающейся сквозь трещины в камне. Ни одного знакомого запаха. Вместо запаха земли и зверя его нос улавливал лишь едкую, химическую вонь, от которой першило в горле и слезились глаза. Воздух был тяжёлым, плотным, словно настоящим на гниющих костях и горелом камне. Дышать им было трудно,

он казался лишённым жизни, лишённым дыхания Великого Духа. Таккар почувствовал, как его охватывает холод, пробирающий до костей. Не тот холод зимы, к которому он привык, когда снег заметает хижину, а ветер воет в верхушках сосен, а холод промозглый, влажный, смешанный со сквозняками, которые гуляли между каменными скалами, пронизывая насквозь его меховую одежду.

Инстинкт охотника требовал действий. Первым делом — найти укрытие. Вторым — еду и воду. Третьим — понять, кто враг, а кто добыча. Он осторожно, прижимаясь к стене одной из каменных скал, двинулся вперёд. Камень был отвратительно гладким и холодным на ощупь. Вскоре его путь преградила прозрачная стена. За ней виднелась нора. Это было небольшое пространство, залитое тусклым светом. Таккар заворожённо прижал ладонь к преграде. Она была гладкой, как лёд, но тёплой. Толкнуть её не удалось. Он надавил сильнее, навалился всем телом. Бесполезно. Тогда он заметил сияющие символы, начертанные прямо на прозрачной стене. Не думая, он коснулся одного из них, светящегося зелёным кругом. Символ мигнул, и стена с тихим, утробным рычанием разошлась в стороны, заставив Таккара отпрыгнуть назад, вскинув копьё для броска.

Открывшаяся нора была творением духов. Внутри было светло, хотя ни одного факела не горело. Стены блестели, а

пол был устлан чем-то мягким, имитирующим шкуру невиданного зверя. Самым поразительным был запах. Здесь не было вони улицы. Здесь пахло чем-то приторным, цветочным и одновременно острым, как смола. У входа в нору стояло чучело человека. Оно было неподвижным, облачённым в нелепые, ярко-красные одежды, с застывшей фальшивой улыбкой на безглазом лице. У чучела не было души. Таккар ткнул в него копьём. Оно качнулось, но не издало ни звука. Удовлетворившись тем, что чучело мертво, Таккар шагнул внутрь.

Тепло окутало его. Он прошёл мимо чучела и оказался в огромной пещере. Его взгляду предстало зрелище, заставившее его забыть о голоде и холоде. Это было царство еды. Ровные, длинные, как стволы деревьев, каменные столы, ломились от припасов. Они лежали в грудах, в коробах, в чём-то, напоминающем плетёные корзины, но гладком и прозрачном. Таккар никогда не видел столько еды в одном месте. Его народ, кочуя за стадами бизонов и оленей, знал, что такое голод. Здесь же было изобилие, достойное легенд о стране вечной охоты.

Дрожащей рукой он потянулся к ярко-красному, глянцевому плоду, лежащему на верху пирамиды. Он был твёрдым, но кожа была гладкой, без единого изъяна, словно его только что сорвал дух-хранитель сада. Рядом лежали пло-

ды жёлтые и оранжевые, известные ему, но эти были неестественно огромны. Чуть дальше лежали куски мяса. Но какого мяса? Оно было обмотано тонкой, липкой плёнкой и уложено на белые, похожие на спрессованный снег, подносы. Мясо было розовым, идеально ровным, без единой кости и без единой капли крови. Оно не пахло зверем. Оно вообще ничем не пахло.

Таккар схватил кусок этого мяса. Плёнка с треском разорвалась. Он поднёс его к носу. Запах был слабым, едва уловимым. Он осторожно лизнул. Вкус был пресным, водянистым, лишённым духа жизни. Но это была еда. Голод — главный советчик в тундре и в тайге — заставил его вонзить зубы в холодную, безвкусную плоть. Он жевал, и его челюсти, привыкшие к жёсткому мясу старого оленя, почти не чувствовали сопротивления. Это было похоже на поедание тумана.

Внезапно его слух уловил новые звуки. Не рёв зверей снаружи, а приглушённые, но гулкие, доносящиеся отовсюду. Это была песнь. Нет, не песнь. Сотни голосов, сплетённых в неестественную, механическую мелодию. Но мелодия была без души. Она доносилась из другого конца гигантской пещеры-чрева. Двигаясь бесшумно, словно преследуя добычу, Таккар приблизился к источнику звука. Он спрятался за высокой грудой каких-то разноцветных коробок и выглянул.

Там, в залитом светом пространстве, стояли идо­лы. Сот­ни мален­ьких, плоских, как до­щечка ша­ма­на, идо­лов, све­тя­щих­ся из­ну­три. Но са­мым ужас­ным бы­ло то, что идо­лы го­во­ри­ли. Они пе­ли, сме­я­лись, и их ли­ца, за­клю­чён­ные в рам­ки, дви­га­лись! Ду­хи бы­ли здесь. Ма­лень­кие злые ду­хи, за­точён­ные в пла­сти­ны. И эти­ми пла­сти­на­ми управ­ля­ли лю­ди. Они си­де­ли в мяг­ких шку­рах не­ви­дан­ных зве­рей и, ус­та­вив­шись пу­стым вз­гля­дом в идо­лов, во­ди­ли по ним па­ль­ца­ми, за­став­ля­я кар­тин­ки ме­нять­ся. Они не за­ме­ча­ли Так­ка­ра. Они во­об­ще, ка­залось, не за­ме­ча­ли ни­че­го во­круг. Их ли­ца ос­ве­ща­лись при­зрач­ным, мер­твен­ным све­том, де­ла­я их по­хо­жи­ми на утоп­лен­ни­ков.

Один из лю­дей под­нёс к сво­е­му уху ма­лень­кую бле­стя­щую ра­куш­ку и на­чал го­во­рить с ней. Он сме­ялся, ки­вал го­ло­вой не­ви­ди­мо­му со­бе­сед­ни­ку. Так­кар смот­рел на это, и пер­во­быт­ный страх ско­вы­вал его чле­ны. Эти лю­ди бы­ли одер­жи­мы ду­ха­ми. Они бы­ли про­вод­ни­ка­ми злой во­ли это­го ка­мен­но­го ми­ра. Ста­рей­шина Урм рас­ска­зы­вал у ко­стра о вре­ме­нах, ко­гда злые ду­хи все­ля­лись в лю­дей, за­став­ля­я их со­вер­шать бе­зум­ства. Здесь это слу­чи­лось. Весь этот мир был од­ним ог­ром­ным, об­езу­ме­вшим, одер­жи­мым злы­ми ду­ха­ми пле­ме­нем.

В этот мо­мент к не­му, се­ме­ня ко­рот­ки­ми но­ж­ка­ми, при­

близилось ещё одно чучело. Оно было меньше человеческого роста, но двигалось само! Оно катилось по полу без помощи ног, и его единственный стеклянный глаз горел красным огнём. Из его нутра исходил тихий, монотонный гул. Чучело остановилось прямо перед Таккаром и издало серию отрывистых, мелодичных звуков, похожих на пение механической птицы. Это было последней каплей. Охотничий инстинкт, который до сих пор парализовывало непонимание, сработал мгновенно. С яростным боевым кличем своего народа Таккар метнул копье.

Тяжёлое, сбалансированное для броска оружие со свистом рассекло воздух. Кремниевый наконечник, способный пробить шкуру бизона, ударил точно в светящийся красный глаз катящегося демона. Раздался оглушительный треск, полетели искры, и глаз погас. Чучело замертво застыло на месте. Но победа была мгновенной и гибельной. Женщина, сидевшая ближе всех, оторвала взгляд от своего светящегося идола. Она увидела дикаря в шкурах, стоящего над поверженным чучелом, сжимающего в руке второе, запасное копье с костяным наконечником. Её глаза, до этого пустые, расширились от дикого, животного ужаса. Она открыла рот, и пещеру пронзил визг. Визг такой силы и такого отчаяния, что он перекрыл даже рёв уличных чудовищ и гул голосов одержимых.

Этот звук разорвал тишину пещеры. Он резанул Таккара по ушам, проник в самое сердце. Он понял — охота началась. Он — добыча. Выхватив своё копьё из обломков поверженного духа, Таккар бросился прочь. Он бежал, не разбирая дороги, опрокидывая горы неестественной еды. За его спиной нарастал хор криков и топот множества ног. Он выскочил из пещеры-чрева обратно в главную нору, пронёсся мимо чучела в красном, которое теперь казалось ему верховным жрецом этого проклятого места, и вылетел наружу, в серый, отравленный воздух.

Холодный дождь хлестнул его по лицу. Это была единственная реальная вещь в мире иллюзий. Вода, падающая с неба. Таккар поднял голову, ловя ртом холодные капли. Он бежал в сердце каменного леса, подальше от воя погони, и чувствовал, как его наполняет не только страх, но и мрачная, отчаянная ярость загнанного зверя. Мир духов и одержимых людей бросил ему вызов. Его племя, его предки смотрят на него с небес. Он — Таккар, сын вождя, охотник на медведей. Он не станет добычей. Он будет охотиться. Он выживет в этом каменном аду, даже если ему придётся идти против всех духов, населяющих его. Он наймет способ вернуться, или же заставит этот новый мир содрогнуться от страха перед силой настоящего человека, не забывшего вкус крови и голос предков.

Глава вторая: Запах иной крови

Сердце колотилось где-то у горла, отдаваясь глухим набатом в висках. Таккар бежал, не разбирая дороги, ведомый лишь инстинктом, который гнал его прочь от истошных воплей, разорвавших тишину каменной пещеры. Холодные капли дождя, падающие с мутного неба, были единственным знакомым ощущением в этом мире, сошедшем с ума. Он петлял между гигантскими, уходящими в серую мглу скалами, стараясь держаться теней, таких же искалеченных и рваных, как он сам. Рёв механических зверей на чёрных полосах не утихал, сливаясь в сплошной, утробный гул, который, казалось, исходил из самого нутра этого больного мира.

Переведя дыхание в узком, тёмном проходе между двумя скалами, заваленном какими-то громоздкими, дурно пахнущими предметами, Таккар прислушался. Погоня стихла. Крики одержимых людей остались позади, поглощённые равнодушным шумом города. Он прижался спиной к холодному, мокрому камню, чувствуя, как дрожь усталости сменяется напряжением охотника, изучающего новые следы. Он был чужим здесь. Каждый его вздох, каждое движение, каждая нить его меховой одежды кричали об этом. Нужно было стать незаметным. Нужно было найти нору. Нужно было понять правила этой каменной охоты.

Словно в ответ на его мысли, впереди, в серой пелене дождя, замерцали огни. Не те бездушные жёлтые огни бегущих зверей, а мягкий, переливающийся разными цветами свет, льющийся из огромных прозрачных стен на уровне земли. Он был похож на тепло костра, манящий и опасный. Движимый голодом и любопытством, Таккар, крадучись, двинулся на свет. Чем ближе он подходил, тем больше деталей выхватывал его острый взгляд. За прозрачной, как замёрзший водопад, стеной, в огромной, залитой светом пещере, стояли люди. Вернее, их бездушные подоби́я. Они были неподвижны, застыв в неестественных, ломаных позах. Их тела были облачены в невероятные шкуры — яркие, блестящие, переливающиеся, словно перья колибри. Но сами фигуры были бледны, лишены дыхания жизни, с пустыми, стеклянными глазами, устремлёнными в пустоту. В них не было духов, это были просто искусно выделанные оболочки, как те чучела, что его народ делал из убитых врагов для ритуальных плясок.

Однако среди этих мёртвых вещей двигались живые. Три женские фигуры, облачённые в короткие, обтягивающие шкуры, порхали между застывшими истуканами. Их кожа была неестественно гладкой, лишённой шрамов и загара, с легким румянцем, словно утренняя заря на снегу. Волосы их были распущены и струились по плечам, переливаясь в искусственном свете — у одной, как вороново крыло, у другой

— цвета осенней листвы, у третьей — как выгоревшая на солнце степная трава. Они издавали мелодичные, переливчатые звуки, похожие на щебет птиц, но в их голосах не было силы. Это был смех.

Таккар замер, вжавшись в спасительную тень у края прозрачной стены. Его пальцы крепче сжали древко копья. Он наблюдал, как эти три странные самки берут с длинных, блестящих насестов какие-то шкуры, прикладывают их к своим телам и крутятся перед огромным, идеально ровным куском обсидиана, отражающим их движения. Их поведение было непонятным, лишённым смысла. Они не готовили еду, не выделывали шкуры, не плели корзины. Они просто меняли одни оболочки на другие, издавая одобрительный щебет. Это походило на брачные игры невиданных райских птиц.

Внезапно одна из них, та, что с волосами цвета воронова крыла, обернулась и застыла, уставившись прямо в темноту, где прятался Таккар. Её глаза, большие и блестящие, как у испуганной лани, расширились. Но вместо визга ужаса, который он ожидал услышать, она издала лишь короткий, удивлённый вздох и схватила за руку другую самку. Через мгновение все трое смотрели в его сторону. Они не кричали. Они не убегали. Их лица выражали не страх, а жгучее, невероятное любопытство.

Таккар понял, что обнаружен. Медленно, словно выходя из засады на медведя, он шагнул на свет. Шагнул из своего мира, из мира теней и выживания, в их мир, сотканный из света и иллюзий. Дождь стекал по его лицу, по спутанным волосам, по грубому меху одежды. В этом неестественном сиянии он выглядел ещё более чужеродно. Его смуглая, обветренная кожа, покрытая шрамами, резко контрастировала с их молочной белизной. Его мощная, хищная фигура дышала скрытой угрозой, в то время как их тела, затянутые в тонкие ткани, казались хрупкими и беззащитными.

Он ожидал чего угодно. Нападения, бегства, призыва злых духов. Но то, что произошло дальше, повергло его в ещё большее изумление. Самка с волосами цвета осенней листвы, самая высокая из них, вдруг улыбнулась. Это была не та оскаленная, фальшивая улыбка, которую он видел у светящихся духов на пластинах. В её улыбке, обращённой к нему, дикарю в мокрых шкурах, было что-то совершенно иное. Любопытство, смешанное с восторгом. Она медленно подошла к прозрачной стене, и две её подруги последовали за ней. Они смотрели на него снизу вверх, как дети, увидевшие диковинного зверя. Их взгляды скользили по его лицу, по широким плечам, по напряжённым рукам, сжимающим оружие.

Та, что с волосами как вороново крыло, самая миниа-

турная, поднесла к прозрачной стене маленький светящийся прямоугольник. Так кар инстинктивно напрягся, ожидая атаки духа, но ничего не произошло. Она просто направила этот предмет на него. Он не знал, что в этот момент его образ, омытый дождём, стоящий на границе света и тьмы, с диким, недоверчивым взглядом, навсегда запечатлелся в памяти её магического кристалла. Для них он был не угрозой, не монстром. Он был чудом. Живым воплощением силы, дикой, необузданной природы, всего того, что было вытравлено из их стерильного, предсказуемого мира.

Он медленно поднял руку, свободную от копья, и приложил ладонь к холодной прозрачной преграде. Это был жест, не несущий угрозы. И тогда самая высокая самка, не колеблясь, приложила свою узкую, бледную ладонь с неестественно длинными алыми когтями к своей стороне стекла, напротив его. Она смотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде он прочёл то, что понимал без слов. Призыв. Интерес самки к сильному самцу. Она не боялась его. Она была очарована. Третья, с волосами цвета спелой пшеницы, всё это время стояла чуть поодаль, приоткрыв рот и не сводя с него замороженного взгляда. Её щёки залил густой румянец, а дыхание, заметное даже сквозь стекло, стало чаще. В её глазах читался не просто интерес, а что-то более глубокое, похожее на благоговейный страх, смешанный с желанием прикоснуться.

Внезапно в глубине пещеры раздался резкий, механический звук. Самки вздрогнули и обернулись. Их мгновенное замешательство стало сигналом для Таккара. Момент был упущен. Охотничье чутьё кричало об опасности. Нельзя так долго оставаться на виду, даже перед этими странными, непугаными созданиями. Он резко убрал руку и, пока они отвлеклись на звук, скользнул обратно в спасительную тень прохода. Последнее, что он слышал, был их разочарованный, удивлённый вздох. Уходя всё дальше в лабиринт каменных джунглей, Таккар уносил с собой новое, сбивающее с толку чувство. Это был не страх и не голод. Он чувствовал на себе их взгляды. Их восторг и их любопытство были подобны теплу солнца, неожиданно пробившегося сквозь вечные серые тучи. Их интерес был направлен на него, на изгоя, на дикаря. И впервые за всё время, проведённое в этом аду, он почувствовал не только угрозу, но и смутное, неосознанное ощущение собственной власти. Власти, даруемой не духами и не колдовством, а чем-то более древним, что эти три сытые, холёные самки почувствовали в нём безошибочно — властью истинной, неприрученной силы.

Глава третья: Новая шкура

Время в каменном мире текло иначе. Не было восходов и закатов, которые привык отсчитывать Таккар по движению Великого Светила. Вместо них мир то погружался в неесте-

ственную, подсвеченную жёлтым полумрак ночь, то вновь наполнялся серым, будто проспиртованным дневным светом. Он потерял счёт этим циклам. Первые дни, или недели, слились в один бесконечный, изматывающий бег. Он выживал как зверь — рылся в гигантских мусорных норах позади каменных пещер с едой, находя там объедки, которые показались бы пиршеством любому нищему его родного племени. Он пил воду из луж, что скапливались в трещинах камня, и спал, забившись в самые тёмные, скрытые от глаз углы, среди гудящих механических внутренностей этого мира.

Но охотник не может вечно быть добычей. Наблюдательность, отточенная годами выслеживания зверя, стала его главным оружием. Он часами сидел в укрытиях, изучая повадки странных существ, населявших этот бетонный лес. Он видел, что их сила не в мышцах и не в духах. Их сила заключалась в тех светящихся пластинах, которые они постоянно сжимали в руках, и в маленьких, блестящих прямоугольниках, которыми они обменивались за еду и вещи. Однажды он увидел, как один из них, старик с усталым лицом, двигал огромные, тяжёлые камни, и никто не обращал на него внимания, никто не кричал и не пытался его прогнать. Он был незаметен. И Таккар понял — чтобы выжить здесь, ему не нужно побеждать духов. Ему нужно самому стать тенью.

Перелом наступил в тот день, когда он наткнулся на

огромную, зияющую яму в теле земли, огороженную хлипкой преградой. Внутри, в глубине, копошились люди в одинаковых, перепачканных землёй одеждах. Они рыли. Они таскали тяжёлые камни. Они были покрыты грязью и потом, и от них пахло не приторной вонью духов, а настоящим, живым трудом. Рядом с ямой стоял человек, который, судя по громкому, отрывистому рыку, управлял ими. Таккар, движимый голодом, который стал его вечным спутником, просто подошёл и встал рядом с группой работников. Он ничего не говорил, просто смотрел. Когда один из рабочих, надрываясь, попытался сдвинуть с места огромный, продолговатый камень, Таккар, не думая, шагнул вперёд. Он отстранил человека, упёрся ногами в землю, туго обхватил камень жилистыми руками и, издав короткий, утробный выдох, оторвал его от земли. Мышцы на его спине вздулись буграми, шрамы побелели от натуги. Он перенёс камень туда, куда указывали другие, и бросил его с глухим стуком.

Человек, издававший рык, замолчал. Он уставился на Таккара, на его звериную силу, на одежду из шкур, которая уже превратилась в грязные лохмотья. В его глазах промелькнуло удивление, потом расчёт. Он подошёл, ткнул пальцем в грудь камней, потом в Таккара. Это был язык без слов, язык действия, который охотник понял сразу. Когда работа была закончена, рыкающий человек протянул ему несколько мятых, грязных бумажных прямоугольников. Тех

самых, которыми здесь обменивались на еду. Это была его первая плата. Он заработал её своим потом и силой. В тот вечер он впервые купил себе еду — горячую, хоть и безвкусную, лепёшку с куском дымящегося мяса, и впервые за долгое время наелся досыта. Он понял правило: сила меняется на бумагу, бумага меняется на жизнь.

С этого дня началось его восхождение. Работы было много, и он брался за самую грязную и тяжёлую. Он таскал мешки с вонючим чёрным порошком в гигантских норах-складах, разгружал грохочущие повозки, волоком таскал искорёженное железо. Его тело, выкованное суровой жизнью в ледниковой тундре, не знало усталости, которой страдали эти бледные, изнеженные люди. Они часто останавливались, чтобы попить, посидеть, заглянуть в свои светящиеся пластины. Таккар же работал, как зверь, запряжённый в плуг — монотонно, яростно, без остановок. Его спина была прямой, движения — точными, а хватка — мёртвой. Слава о немом дикаре, который работает за троих, распространялась среди тех, кто давал работу, быстрее, чем лесной пожар.

Бумаги становилось всё больше. Он уже не боялся, что не сможет купить еду. Он начал понимать её ценность. Но с бумагой пришла и другая потребность. Однажды, когда он, весь в грязи и копоты, зашёл в знакомую пещеру с едой, на него посмотрели с брезгливостью. И он сам, увидев своё от-

ражение в той же гладкой, как обсидиан, стене, увидел не охотника, а грязное, заросшее чудовище. Он был силён и сыт, но он оставался дикарём в лохмотьях. А он помнил слова старейшины Урма: «Шкура воина говорит о его духе ещё до того, как он откроет рот». В этом мире шкура говорила громче слов.

Он отправился в ту огромную пещеру, где впервые увидел тех трёх самок. Теперь он шёл туда не как испуганный зверь, а как покупатель. Его появление вызвало переполох. К нему тут же бросилось чучело в красном, но на этот раз живое, с надменным, лощёным лицом. Оно начало издавать резкие, шипящие звуки и махать руками, загораживая вход. Но Таккар спокойно достал толстую пачку бумажных денег, заработанных его горбом. Он молча показал её охраннику. Шипение стихло. Надменность на лице сменилась услужливой гримасой. Деньги были главным духом-покровителем в этом мире, более могущественным, чем все остальные.

То, что произошло дальше, было сродни ритуалу посвящения в мужчины. Две другие самки, на этот раз облачённые в строгие, одноцветные одежды, окружили его. Они прикасались к нему длинными, тонкими пальцами, снимая мерки, и в их прикосновениях не было ни страха, ни брезгливости. Был лишь профессиональный, цепкий интерес. Они подносили к его лицу и телу бесконечные куски тканей, приклады-

вая их к его смуглой коже, сравнивая, споря между собой щебечущими голосами. Он стоял недвижно, как скала, позволяя этому происходить, понимая, что это часть колдовства, создающего новую шкуру. Затем его отвели в маленькую пещеру и указали на вертикальный саркофаг из прозрачного материала. Оттуда полилась горячая вода. Это был не холодный дождь и не ледяная река. Это была вода, подчиненная духам, смывающая не только грязь, но и саму память о прошлой жизни.

Час спустя он стоял перед огромным зеркалом и не узнавал себя. Грязь и копоть исчезли. Его лицо, обрамлённое аккуратно подстриженной, но всё ещё дикой бородой, казалось вырезанным из тёмного дуба. Спутанные волосы были вымыты, и теперь тяжёлой, блестящей волной лежали на плечах. Но главной была одежда. Она была не из шкур, а из тонкой, мягкой, но удивительно прочной ткани глубокого, тёмно-серого цвета, как грозовое небо. Она облегала его широкие плечи, подчёркивая мощь торса, сужаясь к бёдрам. На ногах были не мягкие мокасины, а тяжёлые, чёрные ботинки, делавшие его шаг ещё более твёрдым и увесистым. Простые брюки и тёмная рубаша без единого украшения сидели на нём так, словно он в них родился. Он больше не выглядел как грязный зверь. Он выглядел как... опасный, молчаливый хищник, облачённый в доспехи цивилизации. Дикая, первобытная сила, которую раньше источало всё его тело, теперь

была заключена в элегантную, современную оправу. От этого она стала не слабее, а, наоборот, ещё более угрожающей и завораживающей.

Он оставил в той пещере почти половину всех денег, что заработал. Но бумага больше не имела значения. Важна была шкура. Уходя, он поймал на себе взгляд той самой надменной самки, что когда-то хотела его прогнать. Теперь в её глазах читалось не узнавание, а совсем другое чувство — жадный, оценивающий интерес хорошо ухоженной хищницы к сильному, статному самцу. И Таккар, вспомнив трёх девушек у прозрачной стены, впервые за долгое время позволил себе скупую, едва заметную улыбку. Охота в этом новом мире только начиналась. И он, наконец, обзавёлся подходящей шкурой для неё.

Глава четвертая: Голос Камня

Новая шкура стала его доспехами, но душа Таккара по-прежнему принадлежала миру лесов, ветра и духов предков. Он работал, зарабатывал бумагу, которая давала еду и уважение, но внутри него зрела глухая, ноющая пустота. Его мышцы были заняты, его желудок был полон, но его дух, привыкший к камланиям у костра и песнопениям, обращённым к звёздам, задыхался в стерильной тишине этого каменного улья. Он искал выхода, сам того не осознавая, и нашёл его

случайно, в очередной из своих бесконечных прогулок по городу, который он учился понимать.

Он проходил мимо низкой, тёмной пещеры, из которой не вырывался приторный свет, а напротив, сочился наружу тяжёлый, пульсирующий ритм. Этот звук ударил его в грудь. Он не был похож на визгливые вопли одержимых или на бездушную, механическую песнь. Этот звук был земным. Тяжёлым. В нём слышались отголоски грома, бьющего в вершины гор, топот бегущего стада бизонов, глухой стук сотен ног в ритуальной пляске. Ведомый инстинктом, более древним, чем страх, Таккар спустился вниз, в прокуренный полумрак.

Внутри царил хаос, который был ему понятен. Дрожащий, мигающий свет, словно пламя костра, выхватывал из тьмы разгорячённые, бледные лица людей, слившихся в едином экстатическом порыве. Воздух был спёртым, пропитанным запахом пота и терпкого дыма, но в центре этого хаоса находился источник ритма. На небольшом возвышении стояли несколько человек, вооружённых странными орудиями. Одно из них, которое держал в руках длинноволосый мужчина, издавало низкий, утробный гул, от которого вибрировал пол. Другое, зажатое в зубах другого человека, выло и стонало, словно раненый дух. Но больше всего Таккара поразило третье орудие. Оно было деревянным, с длинной шеей и натянутыми жилами, которые музыкант терзал пальцами, извле-

кая визгливые, рычащие звуки. Это было копье, но не для охоты на зверя — это было копье для охоты на души. Оно пронзало пространство, и воздух содрогался от его ярости. Это была гитара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.